

Сюань Минь больше не прятался за балками и колоннами: как только Люй Чунь сделал шаг, он прижался к узкой двери и молльчком проскользнул за неё.

Шорох шагов не утихал, приближаясь издали.

Сюань Минь окинул взглядом пространство вокруг и решительно свернул в галерею по правую руку. По диагонали пересекла внутренний двор, огибая все окна и двери жилых покои, он широким шагом направился к узкому проходу в дальнем углу.

— С чего это вдруг всё так переменялось? — Сюэ Сянь мёртвой хваткой вцепился в его монашеское одеяние и не удержался, оглянувшись. Он увидел, как те старик со внуком уже выбрались через узкую дверь: в их походке, выражениях лиц и движениях появилась какая-то пустая, пронзительно-зловещая жуткость.

— Непонятно по какой причине Врата Жизни обратились Вратами Смерти, — Сюань Минь остановился у этого узкого прохода, бросил через плечо фразу Сюэ Сяню и одновременно толкнул створку.

Сюэ Сянь:

— ...То есть эти Восемь Врат не имеют ничего общего с тем, что ты изначально рассчитывал?

Сюань Минь:

— Мм.

— Что с нами станется, если мы случайно забредем во Врата Смерти? — спросил Сюэ Сянь.

Сюань Минь ответил ровным голосом:

— Сработают все смертоносные ловушки сразу, во всех вратах разыграется нечто подобное. Ладно бы те существа нас не заметили, но стоит им увидеть нас — бросятся в погоню немедленно.

— ... — Сюэ Сянь вспомнил внезапно изменившиеся лица старика и внука и осведомился: — До каких пор будут преследовать?

Сюань Минь:

— Насмерть. Пока не убьют.

Сюэ Сянь:

— ...

Сказав это, Сюань Минь уже перешагнул порог и оказался внутри. На этот раз перед ними предстал зал, где по какой-то причине толпились три-четыре служанки и мальчишки-слуги, сгрудившись у стола. Одна из служанок говорила:

— Эту старуху никак в толк не возьмут, и лицу её всё хуже. Неужто в семье Цзян лекарство не от той болезни дали?! Бездарные лекари людей губят!

Другая круглолицая служанка подхватила:

— Почем знать, в рецептах мы не смыслим, наше дело — старуху беречь. А вот прошлой ночью до чего же страшно было — старуха никак вздохнуть не могла. Хорошо хоть у меня хватило духу стукнуть её по спине. Нынче ночью ваша очередь дежурить? Смотрите в оба!

Не успела она договорить, как сзади, запыхавшись, прибежала еще одна служанка и выпалила:

— Скорей! Живо в задние комнаты! Старуха, сдается мне...

Сюань Минь, затаившийся в тени, не дожидаясь окончания её слов, тут же развернулся и выскочил за узкую дверь. Сюэ Сянь не удержался, бросил косой взгляд назад и отвесил Сюань Миню увесистую пощёчину:

— Увидел! Опять попались на глаза! Уходим живо!

Вслед за его окриком шаги в комнате разом изменились и со всех сторон устремились к узкой двери.

Стоило между делом распахнуть двое врат, как за ними увязалась погоня из семи-восьми непонятно кого — то ли живых, то ли мертвых. Забава выдалась на редкость сомнительная!

А этот лысый чёрт, развернувшись на носке, ни секунды не мешкая, уже стоял у третьей узкой двери.

Сюэ Сянь:

— ...Предки мои милостивые, ты можешь подумать хорошенько, прежде чем открывать Главу 10: Пустой жернов (часть 1)

Сколько бы внутренних дворишков ни было в усадьбе советника Лю, сколько бы колодцев ни скрывалось в её покоях, какими бы затейливыми ухищрениями её ни строили, если говорить начистоту, это всё тот же прямоугольный, правильной планировки жилой дом. Чем сильнее хозяева увлечены фэншуй и геомантией, тем меньше они станут городить чересчур вычурные, умопомрачительно нелепые конструкции. Ворот и проходов хоть и немало, но все они неизменно выходят на восемь сторон света: восток, запад, юг, север, юго-восток, юго-запад, северо-восток и северо-запад.

А эти восемь направлений ровно соответствуют Восьми Вратам: Травмы, Удивления, Сцены, Отдыха, Разрушения, Смерти, Жизни и Открытия.

В обычных обстоятельствах среди Восьми Врат Открытие, Отдых и Жизнь считаются тремя счастливыми вратами, Смерть, Удивление и Травма — тремя зловещими, а Сцена и Разрушение занимают среднее, нейтральное положение.

Впрочем, эти понятия благоприятности, неблагоприятности и нейтральности не высечены в камне. В древности говорили: если счастливые врата подавлены, счастье не состоится; если зловещие врата подавлены, беда не поднимется. К примеру, Врата Жизни, используемые для жилищ живых людей или самих живых, сулят удачу, но если применить их к могиле или мертвецу — они обернутся бедой. И наоборот, для погребения или покойника Врата Смерти — величайшая удача.

Это означало, что для Сюэ Сяня и Сюань Миня, двух преспокойно живущих людей, стоило лишь отыскать Врата Жизни, как они смогли бы в целости и сохранности выбраться из формации.

Неподвижные Восьми Врат вычислить нетрудно, но стоило им по какой-то причине прийти в движение, как дело здорово осложнялось.

Именно с такой ситуацией Сюэ Сянь и Сюань Минь столкнулись прямо сейчас: изначально безошибочно рассчитанные Врата Жизни невесть почему оказались заняты Вратами Смерти, и мало того, что выбраться из формации не удалось, так они еще выпустили наружу целую горницу всякой нечисти.

На беду, рука Сюань Миня, открывавшая двери, ничуть не дрогнула — Сюэ Сянь даже охнуть не успел!

Впрочем, если бы подобное выпало на долю Сюэ Сяня до того, как его ноги отказали, с его-то буйным нравом, способным пробить небеса и перевернуть земли, он наверняка подумал бы: плевать мне на всякие Восьми и Девяти Врат, на смерть, испуг и увечья! К чертям собачьим! Открою-ка я их все подряд, не верю, что не найду выхода! А если прижмет — так и вовсе молнию призову, разнесу тут всё к чертям!

Ибо он был уверен: при его-то способностях он ни за что не свалится из-за подобных детских игрушек.

Но нынче всё обстояло иначе. Теперь верховодил Сюань Минь, а сам Сюэ Сянь был всего-навсего бумажным человеком, одолжившим чужое плечо под ночлег.

С Сюань Минем он был знаком едва ли меньше часа, прошло всего-то несколько заварю чайника времени. Судя по этому мимолетному общению, Сюэ Сянь до сих пор не мог понять, какова же истинная сила этого лысого монаха. Вид у него имелся высокопарный, порой даже внушающий трепет, однако на деле Сюэ Сянь не видел от него ровным счетом никакого толку.

Вроде того: умеет ли он призывать молнии да напускать дожди, способен ли упокоить такого неприкаянного духа, как Цзян Шинин, и справится ли, если дойдет до драки, со злобной старушонкой из формации, подозрительно похожей на мстительного призрака?

Главный вопрос заключался в том: «сможет ли он одолеть эту похожую на призрака старушонку с маленькими ножками?»

На этот счет Сюэ Сянь питал самые серьезные сомнения.

В конце концов, этот лысый даже нечисть ловил, прихватив с собой клочок рваной медной пластинки.

Сюэ Сянь спрашивал:

— Видал ли ты высокое учение, что соскребают демонов лопатой?

Сюэ Сянь отвечал:

— Не видал!

Сюань Минь нахмурился. Боковым зрителем скользнув по отродью, что-то бормотавшему у него на плече, он накрыл дверь своими длинными, красивыми пальцами. Прежде он открывал проходы довольно сдержанно, без лишнего шума. На сей же раз, видимо, решившись на всё, он без церемоний распахнул створку настежь.

Пурпурно-красная узкая дверь резко распахнулась и с грохотом врезалась в стену.

Сюань Минь только собрался сделать шаг, как заметил, что примостившийся у него на плече бумажный человек размером с ладонь снова не удержался на месте. Молча, уткнувшись носом, он пополз вниз по монашеским одеждам. Добравшись от возвышения, с которого, как он недавно заявлял, открывался такой широкий обзор, до самой талии, он на мгновение молча склонил голову, безмолвно оплакивая Сюань Миня, а затем шмыгнул в щель потайного кармана и преувеличенно аккуратно застегнул его.

Каждая ниточка от макушки до пят выражала одно: помирай тут без меня, я первый ухажу.

Сюань Минь:

— ...

За этой узкой дверью обнаружился прямоугольный внутренний двор, чья северная и южная стороны вели соответственно в парадный зал и средние покои, а по бокам тянулись крытые галереи. Странно было то, что столь громкий, ничем не прикрытый скрип двери почему-то не потревожил обитателей дома. Сюэ Сянь, усевшись в потайном кармане и подперев подбородок рукой, ждал какое-то время, но никаких звуков беготни или суеты не услышал. Не вытерпев, он снова высунул голову из карманного устья.

Во дворе не было видно даже тени какого-нибудь духа — царила абсолютная тишина. Зато из парадных покоев доносился смутный смех, голосом подозрительно похожий на советника Лю.

Сюэ Сянь и до того не испытывал к этому советнику Лю ни малейшей симпатии, но происходящее в передней возбудило в нем некоторое любопытство.

Пока он раздумывал над этим, Сюань Минь уже шагнул за порог и бесшумно пошел вдоль галереи к задней двери парадного зала.

Изнутри задней двери рассмотреть обстановку было невозможно: путь преграждала массивная ширма, и чтобы попасть в зал, требовалось обойти её с любой из сторон. Сюэ Сянь воочию наблюдал, как этот дерзкий до безумия лысый монах переступил порог и со всей наглостью замер прямо за ширмой, отчетливо слыша каждое слово беседы в передней.

Сколько всего людей находилось в зале, Сюэ Сянь не знал, но голоса подавали лишь двое. Один из них, несомненно, принадлежал советнику Лю, а второй, судя по темпу речи и растягиваемым гласным, походил на человека в годах.

Старик как раз произносил:

— Верно, нынче в селении все толкуют об одном слухе, только вот правдив ли он — неведомо.

Советник Лю вопросительно протянул:

— О чем же?

— О пожаре в врачебной лавке семьи Цзян, неужто старый друг не слышал?

— Разумеется, разумеется. — Советник Лю ответил как-то сухо и безжизненно. Повторив это несколько раз подряд, он, судя по звуку, снова поднес к губам чашку, сделал глоток чая и только после этого протяжно цокнул языком, сетуя: — Останки-то уездная управа собирала, всё в угольки выгорело. Если бы не судмедэксперт, ни за что бы не признали, что это человеческие тела.

— Вспомнить, как я много лет назад заявился в здешние места и довелось мне разок встретиться с лекарем Цзяном, кто бы мог подумать... Эх! — старик вздохнул и добавил: — Да только в селении судачат, будто лечебница семьи Цзян поставила вашей матушке неверный диагноз да перепутала лекарства, отчего она и преставилась на небеса. Это...

Советник Лю снова приложился к пиале, и звук глотаемого чая был отчетливо слышен даже Сюэ Сяню.

Он явно сдерживал какие-то чувства или же заново их разжигал. Сделав пару жадных глков, он с громким стуком швырнул чашку обратно на стол — звук получился неожиданно резким, выдавая крайнее волнение:

— Давай больше не будем обводить это все! Семья Цзян уже получила по заслугам, с меня станет больше с ними не судиться! Только жаль мою матушку: трудилась всю жизнь, а насладиться покоем удалось всего пару лет, как вдруг... Эх...

Услышав столь взволнованный тон советника Лю, старик принялся утешать его:

— Ладно-ладно, больше не будем! Бездарные лекари людей губят...

Сюэ Сянь нахмурился.

Внезапно он вспомнил тот день, когда они только ступили на территорию заброшенной усадьбы семьи Цзян: огромный двор был завален обломками черепицы, зарос сухой травой, вокруг стояла глухая, зловещая холодина. Днем солнце грело немало, однако над домом словно довлела тяжелая, мрачная тоска. Когда его занесло ветром прямо во двор, он нос к носу столкнулся с сидевшим в углу Цзян Шинином.

Тогда-то он и почувствовал, что вся эта тоска исходит от этого неприкаянного духа.

Вот только этот дух, Цзян Шинин, оказался на редкость бестолковым: помнил всё, что было до смерти, а вот о том, что произошло после, позабыл напрочь.

Сюэ Сянь тогда спросил его:

— Чего ты тут гнездо свивил? Помер — так ступай на перерождение, а если будешь зря время в мире живых терять да часы упускать — так и вовсе никуда не попадешь.

Цзян Шинин похлопал глазами, растерянно бормоча:

— Ох, жду родителей, вместе в путь отправимся. Старики оба в возрасте, приглядеть за ними надо.

Сюэ Сянь тогда подумал, что этот призрак, видать, за чтением книг в бытности своей совсем рассудок потерял — послушать только, какую чепуху несет.

— А где твои родители? — поморщившись, поинтересовался Сюэ Сянь.

Цзян Шинин вздохнул:

— Наверное, ворота перепутали. Беда в том, что у меня нет нормального тела, даже из двора выйти не могу, искать негде.

Сюэ Сянь поглядел на него и молвил:

— Ладно, так и быть, помогу тебе из милости, но у меня условие.

— Говори, — просто отозвался Цзян Шинин.

Сюэ Сянь:

— Пустишь меня пожить в своем доме пару дней.

...

С тех пор как Сюэ Сянь пожаловал Цзян Шинину бумажное тело, тот каждую ночь прочесывал селение в поисках близких. Прошло три дня, они обошли почти всю округу дважды, но так ничего и не добились.

Раньше Сюэ Сянь думал, что родители Цзян, возможно, уже ушли вперед. Но теперь, услышав слова советника Лю, он вдруг подметил у себя в голове смутную, зарождающуюся догадку.

В ту самую минуту, когда он собрался карабкаться обратно на плечо лысого монаха, чтобы поделиться соображениями, в передней снова зашевелились.

Советник Лю произнес:

— Точно, я же говорил, что раздобыл занятную вещицу, намеревался позвать старого друга

оценить, да чуть из головы не вонзилось. Идем-идем, в задние комнаты.

Услышав это, Сюэ Сянь поспешно протянул руку и пихнул Сюань Миня.

Правда, тычок бумажным человеком вышел на редкость слабым — скорее даже не тычок, а щекотка.

Сюань Минь почувствовал, как отродье пощекотало его за пояс, и слегка нахмурил брови. Он уже собирался развернуться, перешагнуть порог и покинуть это место, как вдруг обнаружил, что прямо за его спиной материализовался Глава 11: Пустой жернов (часть 2)

Глаза этого человека были поразительно черными, без единого проблеска света, от него разило могильным холодом. Под глазами залегли две темные тени, отчего мертвенно-бледная кожа отливала синевой. Вот так столкнуться нос к носу без предупреждения — удовольствие ниже среднего. Обычный человек, натолкнись он на такого привратного духа, пожалуй, от страха подпрыгнул бы до самой крыши.

Однако Сюань Минь и Сюэ Сянь явно к обычным людям не принадлежали.

Один смел до беспамятства, другой — невозмутим, как скала. Прожив уже по доброй половине веку, они, судя по всему, даже не знали, как пишется слово «страх».

Посему этот ледяной монах и застрявший у него за поясом выродок уставились на появившегося с абсолютно одинаковыми, ничего не выражающими деревянными лицами.

Пришелец позеленел от испуга, откинул голову назад и застучал себя по груди, бормоча:

— С чего это вы так резко оборачиваетесь, напугали до смерти.

Сюань Минь:

— ...

Сюэ Сянь:

— ...Этот книжный червь и вправду от чтения книг рассудок растерял.

За их спинами стоял никто иной, как Цзян Шинин.

Сюэ Сянь при виде него сперва слегка опечалился, подумав: услышь этот книгочей слова советника Лю, он же наверняка засучит рукава и кинется в переднюю драку затевать, а

справится ли этот тощий прутик с теми двумя стариканами — большой вопрос.

Но по тону Цзян Шинина он сразу понял: тот, судя по всему, сплетен о собственных родителях не расслышал.

Этому Сюэ Сянь даже обрадовался: по крайней мере, не придется переживать, что дурень полезет на рожон искать смерти. Припав к краю кармана Сюань Миня, он брезгливо замахал на Цзян Шинина:

— Живо поворачивайся, уходим, марш-марш!

— С чего это вдруг такая спешка? — Цзян Шинин хоть иногда и препирался с Сюэ Сянем, характером обладал мягким, иначе не стал бы столько дней исправно служить ездовым животным для Сюэ Сяня, снося пинки и заттыкая тому рот едой.

Спрашивая «почему», он уже в точности исполнял команду Сюэ Сяня: развернулся, шагнул за порог через заднюю дверь и, ни капли не задерживаясь, стоял с совершенно ошарашенным видом.

Заметив это, Сюань Минь уже собирался опустить поднятую руку, как услышал шепот Сюэ Сяня:

— Лысый, ты зачем руку занес? Наконец-то не стерпел дурости этого книгочея и решил отхлестать его?

Сюань Минь:

— ...Если уж на то пошло, первыми обычно лупят тебя.

— ... — Цзян Шинин: — Погодите, что я такого сделал-то, чтоб меня бить?

Сюэ Сянь снова прикрикнул:

— Иди давай, не болтай лишнего.

Сюань Минь:

— ...Этот баламут еще имеет наглость упрекать других в болтовне.

Впрочем, Сюэ Сянь угадал не во всем. Подобные дикие духи, обретшие человеческий облик с помощью какой-либо вещицы вроде бумажной куклы, на самом деле держались исключительно

на силе инь. В районе затылка, на три цуня ниже шеи, у них находилась жизненная точка — врата ци. Если ударить туда ребром ладони, поддерживающая их ци рассеется и они вновь сожмутся до первоначального бумажного состояния.

Сюань Минь изначально опасался, что Цзян Шинин по простоте душевной натворит бед, и подумывал трекнуть его ладонью обратно в бумажную куклу, чтобы удобнее было носить с собой. В конце концов, одного безбашенного полупаралитика ему хватало за глаза, а появился еще один шустрый на ногу — тут и вовсе дом вверх дном пойдет.

Кто бы знал, что этот дух умеет слушать чужие слова. Сюань Минь решил повременить, опустил руку-меч и последовал за ними.

Он ухватил Цзян Шинина за шиворот сзади, а затем, круто развернувшись, затащил его за собой, скрываясь в узком простенке между стеной дома и крытой галереей. Если этот монах не желал шуметь, он действительно умел передвигаться абсолютной тенью: тонкая монашеская мантия скользнула по сухим веткам у стены, едва задев их подол, и опустилась на землю, не подняв ни пылинки, так что даже ветка не шевельнулась.

Сюэ Сянь бросил взгляд на неподвижную ветку, потом на позванивающую у пояса Сюань Миня связку медных монет и подумал, что этот лысый черт и впрямь окружен ореолом какой-то загадочности.

Сюань Минь рассчитал время с филигранной точностью: стоило краю его рясы скрыться за стеной, как от задней двери отделились советник Лю и его гость. Будучи в годах, оба плохо слышали, а потому не заметили никаких посторонних звуков.

Цзян Шинин из своего убежища в простенке разглядел со спины советника Лю. И хотя он люто ненавидел этого человека, его все же свербел вопрос: отчего Сюань Минь, заведя советника Лю, предпочел уклониться, да еще с таким видом, будто не желает тратить силы на лишние хлопоты?

К счастью, в нем жило сильнейшее «нежелание доставлять людям неудобства»: он не задавал лишних вопросов, не своевольничал и не устраивал беспорядков. Проглотив гору недоумений и затаив дыхание, он покорно застыл за стеной, молча наблюдая, как советник Лю со странным спутником гуськом пересекают двор и направляются к средним покоям.

И как только советник Лю занес ногу над порогом центрального зала, оттуда раздался невнятный, сдавленный голос:

— Отец?

Сидевший за стеной Сюэ Сянь скривился:

— Ну вот, явился по мою душу тот самый дурачок, и надо же было так выбрать время.

И точно: откуда ни возмись, под галерейной крышей нарисовался Люй Чунь. Он стоял там, окликая советника Лю «отцом».

Первым делом Сюэ Сянь уставился на его одеяние. Тот «Люй Чунь», с которым они столкнулись у Врат Смерти, был облачен в каштановые одежды, в то время как этот, на галерее, носил плотный халат серо-голубого цвета — точь-в-точь в таком он и угодил в формацию.

Затаившийся в щели Сюань Минь шагнул вперед и прежде, чем советник Лю успел опомниться, решительно выскочил к Люй Чуню. Ухватив того за воротник, он с силой оттащил парня к узкой двери, пока тот не успел вспыхнуть криком. К счастью, внутренний двор здесь был крошечным, пара шагов туда и обратно — от щели до двери всего один миг.

Застывший в растерянности перед центральным залом советник Лю наконец опомнился. Лицо его перекошилось, он занес ногу, намереваясь броситься наперерез.

К счастью, Сюань Минь двигался быстрее: шаг, разворот — и они уже за дверью.

Грохот!

Сюань Минь захлопнул узкую дверь спиной, а Цзян Шинин машинально набросил засов.

Подняв глаза, он окинул взглядом ошеломленного дурачка Люй Чуня и не удержался от удивленного возгласа.

Стоило им оказаться внутри, Сюань Минь отпустил воротник Люй Чуня. Сюэ Сянь мысленно воззрился в потолок: этот лысый на вид такой тощий, а силы в руках — мать честная! Люй Чунь ведь не какая-нибудь бесплотная бумажка вроде Цзян Шинина, к тому же упрямый, ни капли не помогает. В одиночку притащить такую тушу живого человека — сколько же тут требуются мощи?

Сюань Миню даже не нужно было опускать взгляд: боковым зрением он прекрасно видел, как уставилось на него снизу вверх то отродье, строя какие-то свои замыслы.

Ничего хорошего в этих замыслах определенно не было.

С сохраняющим полнейшее равнодушие выражением лица он прикрыл рукой пояс, заслоняя ту самую оскорбляющую взор мину «с открытыми глазами», но Сюэ Сянь тут же сгреб его обеими ручонками и отодвинул.

Сюэ Сянь: Тьфу! Совести у тебя вагон! Голову дракона ладонью закрыть вздумал? Ишь чего удумал!

— У него... отчего у него родинка на лице переместилась? — ошеломленно пробормотал Цзян Шинин, тыча пальцем в Люй Чуня. Смутившись, что указывать на человека перстом неприлично, он тут же смущенно опустил руку и неловко посмотрел на Сюань Миня.

Рука Сюань Миня, которую Сюэ Сянь только что отпихнул, замерла.

— Разве раньше она не была с левой стороны? Отчего оказалась на правой? — тихонько проговорил Глава 12: Пустой жернов (часть 3)

Мысль эта была настолько страшной, что думать о ней не стоило вовсе. Произнеся это, Цзян Шинин первым невольно передернул плечами от подступившего озноба. Эту дрожь тут же заметил Сюэ Сянь, снова высунувший лицо наружу.

Сюэ Сянь дивился этому книгочею: сам дух духом, а призраков боится!

Бормотание Цзян Шинина прозвучало тихо и спешно. Услышав его, Сюань Минь на мгновение нахмурил брови, но тут же разгладил лоб и негромко произнес:

— Я понял.

Сюэ Сянь взвился:

— Понял он, черта с два ты понял!

Его собственный нрав — вспыльчивый и нетерпеливый, в спутники ему достался сплошной слоупок Цзян Шинин, а Сюань Минь так и вовсе отличался способностью сохранять спокойствие даже при обрушении небес! Сюэ Сянь чувствовал, что от такой компашки он раньше времени лишится остатков жизни. Не дожидаясь, пока Сюань Минь предпримет хоть что-то, он тут же выкарабкался из потайного кармана, в два счета бесшумно забрался по штанине Люй Чуня и в мгновение ока скрылся под складками его плотного серо-голубого халя.

Краткое и холодное замечание Сюань Миня мгновенно вывело из оцепенения тормозившего на восемь тактов дурачка Люй Чуня.

<http://bllate.org/book/21932/2278724>